ВИКТОР МАМЧЕНКО

Сон в холодном доме

Париж

Editeur G. Gerell

Того же автора:

Тяжелые птицы	(изд. 1936 г., Париж).
Звезды в аду	(изд. 1946 г., Париж).
В потоке света	(изд. 1949 г., Париж).
Земля и лира	(изд. 1951 г., Париж).
Певчий час	(изд. 1957 г., Париж).
Воспитание сердца	(изд. 1964 г., Париж).

ВИКТОР МАМЧЕНКО

Сон в холодном доме

Париж

Editeur G. Gerell

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Ночных сверчков опять с цикадами не путай
Цикады ночью спят, им ночью — все равно,
А в сердце, может быть, как в пропаде темно
И кажется земля тяжелой мертвой грудой.

Живут цикады днем. Растопленной смолою
Горячий сосен сок пьянит до песен их;
Не надо им тогда веселых глаз твоих,
Не надо слез твоих, ночей со звездной мглою.

Они живут в раю. Им нас совсем не надо.
И нам они — к чему? Представь себе, что вдруг
Земля горит, беда, что все — как ад вокруг,
А мы с тобою райского вкушаем сада.

1946

О Н А

Светом солнечным пьянели
Золотистые глаза,
Неподвижны были ели
И морская полоса,
И цикады жарко пели.

Слов чудесных я не помню —
Не они сомкнули круг, —
Я глаза сияньем помню,
И таким волненьем вдруг,
Что закрыли солнце к полдню.

Помню тоже: сердце билось
Под рукою об белье,
А потом оно открылось
Грудью темною ее, —
Будто так оно приснилось.

А потом прикрыла очи,
И была она тиха,
Как звезда июльской ночи, —
Вся в печали без греха,
Тишины любовной кротче.

Вновь шумели в знойной лени
Море, сосны и земля,
И вязало время тени,
Будто Парка, оголя
Ее детские колени.

1946

АКВАРЕЛЬ

Тяжелый дом, а дальше — холмы, горы;
Прованса день уходит в дальний свет;
Прохладе солнечной раздвинул шторы
Привычный жест, как было сотни лет.

К приходу вечера девичьи зовы
Спешат сказать — и чем душа полна;
Повторные слова взволнованны и новы,
Как в море миллиардная волна.

Старушка черная под черной шляпой
Сидит и спит у солнечной стены,
И ловит тень котенок мягкой лапой —
Кривую тень старушечьей спины.

Старушка спит, ей снится в кухне лужа
Когда-то пролитого молока,
Письмо с войны (тогда живого) мужа,
Иль гнев его и темная рука.

А может быть, теперь, в минуты эти,
Легчайший сон летит по городам —
Куда ушли ее большие дети,
Ступая прочь по сердцу и годам.

Идут быки с рожном большим на выях,
Их очи — тихие, а вечер — вот уже
Об землю бьется на прохладных крыльях
В огнях зари, на звездном рубеже.

1949

НА ВОКЗАЛЕ

Последний знак, и вот скользят огни,
А в сумраке — твои глаза одни;
Тяжелый поезд медлит все, пока
В прощанье бьется жаркая рука.

Уйдет он прочь под арками мостов,
Но — звездный путь ему, счастливых снов!
И дней — с утра — цветущею землей,
Людей ему — веселою семьей!

Шумит в огнях Париж ночной, глухой...
Ну что, дитя, уехал милый твой;
Чего ж ты ждешь, и плачешь, как во сне,
И сон — не твой, не в розовой весне;

Должно быть, поезда нещадный стук
Об сердце бьется, сердце из-под рук
Летит за ним, летит как счастье дней, —
Подстреленным полетом лебедей.

Скажу тебе о днях. Пройдут они.
У жизни будут дни — другие дни.
Не может быть, чтоб в сердце навсегда
Жила, была горячая беда.

1949

ЛЮТЕЦИЯ

Здесь редок снег, здесь только зимний холод,
Здесь снег бранят и грязью и чумой,
И парижанину подснежный город
Давно не мил, и он спешит домой.

Люблю я снег полночною зимою
В латинских улицах и тупиках,
Когда века в снегу идут со мною,
Спешат со снежной музой на руках.

И тишина звучит тревожным боем
Курантов, вдруг очнувшихся в снегу...
Мечта со мной, нам весело обоим,
Молчит она, молчать я не могу;

И вот шепчу я (с русским удареньем!)
Слова чужие страсти и любви, —
Французским меряю стихотвореньем
Печаль и радостць русские в крови.
Печаль и радость русские в крови.

1957

ИТАЛЬЯНСКИЙ МАЛЬЧИК

Под небом Парижа —
случайные встречи
играл на гармошке
тот юнга в порту
И темные очи,
и детские плечи
казались под солнцем
в любовном поту.
Вокруг нас теснились
и шхуны, и лайбы,
и полдень Туниса
дремотно дышал,
и якорь огромный
тяжелые лапы
раскинул на пирсе
и шхуну держал.
Пустынно и море,
и порт был безлюдный,
мальчишка играл
и смотрел на меня,
и час был высокий,
безоблачно трудный,
и солнце мерцало,
всем миром звеня.

Там Индия где-то,
а там — Заполярье...
Куда же идти нам
в тугих парусах?
Но юнга вдруг вспомнил
о плачущей Марье,
припал вновь к гармошке,
под солнцем в слезах.

1963

БАЛЛАДА О РЫБАКЕ

Рыбак ушел в нехожую погоду —
Чтоб море было без луны и звезд, —
Приморскому покорен небосводу,
И ничего, что ветер бьется вхлест —
Норд-остом бьется, парусом играет,
А чайка в море — будто умирает.

Его жена, на каменистом пляже,
Как будто не плетет, а вяжет
Худую сеть, разодранную бурей,
Сейчас её дитя, играя ляжет
И на сетях спокойно вдруг уснет.
Стрижей косых неистовый полет
Сшибается под крышею понурой

Поет рыбачка песенку простую,
Следя за парусом, белеющим волной.
Но вот и ночь. И вновь тугую тую
Терзает ветер за ее спиной.
На западе — пожарище заката, —
Природы чудной ветренная плата.

К тугой груди прижав дитя, рыбачка
Идет к соседке — душу отвести:
Какая ночью в море рыбьем качка,
Как трудно прорвы в неводе сплести,
Как рыбу надо во-время продать,
И с мужем в море жить и умирать...

Над холмами приморскими светло
Звезда вечерняя пропала в туче,
Сгребает ветер тяжкою метлой
Кипенье волн, взлетающих всё круче,
И темная рыбачка смотрит в море
И, как влюбленная, не верит в горе.

Пришел рыбак под утро. Парус влажный
Он крепко с мачтой шкотами связал.
С уловом он — как еслиб счастье взял, —
Умчался вдаль куда-то ветер страшный...
Он в дом вошел, и сонную улыбку
Жены схватил, как золотую рыбку.

ЛЮБОВЬ

Сколько радости было от снега,
Он всю ночь будто шелком шуршал;
За окном моим тропкою бега
Узкий след, как от серны, лежал.
Был любим ею я до рассвета;
Время мчалось дорогой земной,
И дышала она, будто Лета,
Легкокрылой бедою и мной.
Как же так вдруг бежит, убежала,
Тяжкой дверью прикрыла себя,
А рассвет, без конца и начала,
Леденеет, беглянкой слепя.

ЗИМНИЕ ЯМБЫ

Весь день тот был как счастье в тихом слоге
Зеленый свет простерся далеко,
Сжимала руку жарко и легко
Весна моя, веселая в дороге,
Чтоб всё неистовым казалось мне,
Как власть любви в невероятном сне.

И тихо бились в паутинке света
Глаза ее, бесстрашные в себе,
И не казалось мне — в такой судьбе, —

Что всё пройдет, как полыханье лета,
Как осени угрюмые дожди,
Чтоб вдруг зимой проснуться от „Не жди!“

Был праведный от часа и до часа
Тот день свободы — вечности часов,
Мерцала стрелка золотых весов
В руках любви, как солнечная масса.
Ах, жаждой полная весна моя.
Куда же ты... Так жаждой напоя!

Стоит зима у моего порога,
А ночь тиха, а ночь совсем не спит
Как тот замученный бессонницей пиит
Для трудной вечности любви своей
Средь Елисейских розовых полей.

СНЕЖНАЯ ОТОРОПЬ

Снежная оторопь степью курганною
Крылья раскинула в дальний полет;
Солнце февральское розою алою
Вспыхнуло в окнах и будто поёт.

Дева высокая, убранно белая,
Снежною пылью стоит у окна;
Мать всё поёт, у стола что-то делая,
Плачет о деве — как дева бледна...

Что же в окно, среди снежного шопота,
Снежного чуда и детского сна,

К мальчику тихо из вьюжного пропада
Солнечным тополем бьется весна!

Дивная песня метелится ветрами,
Жарко взлетает, как искры в огне,
Смотрит в глаза его буднями светлыми,
Инеем звездным мерцает в окне.

И не уйти от тревоги и радости, —
О как родная рука горяча!
Мальчику страшно от песни и жалости —
У материнского плачет плеча.

СМЕРТЬ ТОПОЛЕЙ

Больные тополи Парижа
На тротуаре — как в бреду,
В угаре, листьями колыша,
Они на родину бредут.

И потрясает дымный грохот
Их тополиную тоску,
В которой слышен речки рокот,
Несущей солнце по песку.

Квартальный ветер неумелый,
Пройдя предутренней волной,
Тревожно пух роняет белый
Над звонко-каменной землей.

Над крышами поток весенний
Прохладой розовой летит,
Как чудный сон стихотворений,
Еще не павший на гранит.

ПАМЯТЬ ЧЕРНОМОРЬЯ

У моря Черного я помню Буг:
Он тих и стар у летнего порога,
Но осенью, как отрок-недотрога,
На море грозное кидался вдруг.

Вдали — и мост, в Варваровку, понтонный;
Чуть-чуть по-эллински он музыкой звучал;
По нем стучал натужный топот конный,
А Николаев — Ольвией скучал.

Варваровка! Не скифский ли там стан
Гонял коней для эллинской заставы?
В земле, поглубже, — вот Дианы стан,
В руке — стрела охотничей забавы;

В глазах ее и мужество, и робость..
Историей весь берег перекрыт!
Археология, божественная пропасть,
А сад в цвету, весь пчёлами покрыт!

И вот, как в дни "Крещения Руси,,,
Раздетые аттические боги
Потоплены в волнах; пощады не проси;
Об лодку мрамором их бьются ноги...

А белые акации цветут
В неистовом и теплом аромате,

Вот полнолуние, и вот поют
Все соловьи в сиреневой прохладе.

Росисто утро. День настал, пришел,
Плечом широким Буг коснулся моря,
Гудит буксир, он из породы пчёл,
Идет, дымит, с волной высокой споря.

ПТИЧИЙ БАЗАР

Что так слабо бьется сердце
С мертвой силой на земле —
Вот на проволочной дверце
Та же кровь, что на крыле;
Или воля птичья ниже
Всех прославленных свобод,
Или песнями обижен
Весь березовый народ;
Или птице быть пристало
В томноте да на шестке,
Чтоб торжественнее стало
Пенье в клеточной тоске;
Ходят люди среди клеток,
Тычут пальцем всем в глаза;
Водят люди своих деток,
Чтоб глазеть на голоса.

ВИКИ ОБОЛЕНСКАЯ

Судья нацист бандиту дал топор,
Чтоб палачем был русской партизанки;
На русскую смотрел, как смерть, в упор,
На раны черные её и ранки.

Тюремный двор — застенок палачей;
Вот щелкает ефрейтор каблуками;
Не видит он живых ее очей,
Кровавый лик с кровавыми губами.

Ах, Вики, Вики, как ты хороша, —
С тобою Родина, весь мир с тобою!
Удара ждешь, едва-едва дыша,
Но вся душа твоя зовёт всех к бою.

Чудовищен нацистов балаган,
Вот эта плаха, — как "почет принцессе„...
Известный Франции Гаврошка-хулиган
Стоял с тобою рядом на процессе!

Палач бандит, ему под стать — судья
Вели игру в кровавом исступленьи;
Был проклят час предутреннего дня
И к плахе аккуратные ступени.

Бессмертье здесь, оно ведь — навсегда,
Таких, как ты, народ не забывает:
Крылатым воином — когда беда,
И смерти мертвенной герой не знает.

1944

ДЕРЕВЕНСКАЯ БАЛЛАДА

Буря снегом замела
Две избушки на откосе;
Будто льдины от весла —
Тучи лунные в морозе;
За откосом — мутный свет,
Вдоль избушек — волчий след.

Два соседа — два врага —
И судили, и рядили —
Как делить им два стога,
Что под снегом звездным стыли.
Помирились всё ж в Сочельник
И пошли за водкой в Ельник.

А когда домой пришли —
Много пили, много ели,
Табачек примерно жгли,
Друг на друга не смотрели.
Ведь привычно было так —
У соседа брать табак.

Вот Иван и говорит:
„Ты свою жену не знаешь,
Марья за меня сгорит, —
Ты жену, ведь, не ласкаешь“...
И Степан с Иваном пьют,
Об ладонь ладонью бьют.

Ночи лунные прошли,
Марья Ваню отравила,

А потом, весной, нашли
Марью: умерла на вилах.
Что ж, Степан ее убил —
Муж, который не любил.

Так делили два стога,
Что казались лишь стогами;
Боги были в сапогах
Эллинийскими богами, —
Мужики российской были,
Мягче воска, проще пыли.

МОЛЬБА

В пышных храмах торжество:
Где-то в небе — Рождество...
На земле бесснежный лёд, —
Ночью скованный блестит,
Ветер северный свистит
Время движется вперед
Никому никто не верит
Не стучись ты в эти двери, —
Не отворят никогда
Отойди опять во мглу
И замерзни там в углу.
Братство может быть приснится
Будет сердце счастьем биться
Умереть, ведь, не беда.
Слезы страшные помогут
Дописать живому богу
Мертвый образ Рождества.

СТАРАЯ ИСТОРИЯ

Плачет тихо над собой
Ночью дева: друг не любит.
А по саду молодой
Бродит месяц, — не отступит.

Не отступит он, такой,
От влюбленных, кто с тоской, —
Чтобы влиться в очи;
Чтобы плакал и любил,
Кто забвенье жарко пил
В росах белой ночи.

Дева девочкой была,
И была вся — легче смеха;
До зари с луной плыла —
С милым, — милый не помеха.

А теперь вот говорят,
Что глаза ее горят
Болью и позором;
Говорят еще — с тоской,
Жизнью не живет людской,
Бредит всяким вздором.

Всё б ничто, да только как
Встретиться с любимым!

Вновь любилась бы — вот так! —
С огненным и льдинным.

Вот совсем уж побледнел
От мечтаний и от дел
Месяц, с ним и дева;
Утро вспыхнуло зарей,
Сгинул месяца герой,
Всходит солнце гнева.

ЭМИГРАНТСКОЕ

Старуха едет. Едет. Боже мой,
Ее девченкой видел я когда-то,
Всё трудное мое ей было радо, —
Цветущей яблоней была земной!
Теперь — старуха едет, губы проглотив,
И почему Чайковского мотив
Всю душу жарко вдруг мою так гложжет
Ах, Родина, твой Лебедь у рояля, —
Виденье детское, всё в белом существо!
Но вот — старуха. Всё вокруг мертво,
А я — как проклятый в вагонных далях.

УЛЫБКА ДЖИОКОНДЫ

Одни слова, слова.
О нет, Любви Твоей как жизни верю.
Но жизнь — не радостный ответ.
Да, я входил и этой дверью
В прекрасный мир очарованья,
Кружили голову признанья
Высокой юности моей;
Я верен был и верил ей.
Бывает так — что страшно вдруг:
Вот этот мой красивый друг,
Идущий к нам походкой важной
Идет к Тебе. Улыбкой влажной
Лицо Твое пылает горячо,
Возможному вы улыбнулись оба,
Меж вами, да, мое плечо...
Нет, не клянись любить до гроба.

С НОВЫМ ГОДОМ

Снежнозубая улыбка
У красавицы моей;
Веет снегом, веет зыбко
Из заснеженных полей;
Ее очи лучевые
Вижу часто и во сне;
Вся звучит — как ключевые

Воды в солнечной весне;
С новогоднею звездою
В косы месяц заплела,
Чтоб надежда красотою
Счастьем-лебедем плыла
С Новым годом — в счастье новом,
И влюбленность не тая,
Вверх бокалы, с добрым словом, —
Это Родина моя!

СОН В ХОЛОДНОМ ДОМЕ

В зимнем небе низком, мутном —
        Желтая луна;
Я в лесу, в усильи трудном:
        Предо мной — стена.
Подымаюсь. Время ночи
        В снежной тишине
Неподвижно. Нету мочи,
        Силы нет во мне.
Страшно мне: я ненавижу
        И душа в огне,
За стеною дом я вижу
        И людей в окне.
Вижу золото и вещи,
        Явства и ковры,
Блеск мечей, во тьме зловещий,
        Час глухой поры.

Всё богатство здесь добыто
Грабежом, войной,
Много и рабов зарыто,
Битых за стеной.
Слышу споры я и крики
Иностранных слов,
И слова как звери дики,
Будто волчий зов.
Затемненный, как туманом,
Холодом седин, —
„Погублю их я обманом“, —
Говорит один.
Говорит другой: „Отравой
Надо извести!“
И кричат: „Войной кровавой,
Бог наш, отомсти!..“
И грозят мечами, ядом,
Глядя на восток...
Вижу — дом там, близко, рядом,
Как живой цветок.
Дом иной, иные люди,
Всё не так, как здесь;
Ярким светом дышат груди,
Дом открытый весь —
Для друзей, для мира. К счастью
Строят жизнь. Она —
Целым миром, каждой частью
Как любовь полна.
Будто пчелы золотые
Люди там живут;
Вижу — мне они родные
И к себе зовут.

Многочислены, едины
И сильны в труде
И упорны, как плотины
На большой воде.
Чуден труд, умны движенья
Напряженных рук;
В братском подвиге служенья
Нет напрасных мук.
Есть у них мечи, отвага
И огонь, чтоб жечь,
Но они у них — для блага,
Чтоб народ сберечь.
Потому что волчьим воем,
Как больной урод, —
Черный дом войной, разбоем
Истреблял народ.
Понимаю: смертью, кровью
Дышет черный дом;
Светлый дом, чтоб жить с любовью, —
Счастием ведом.
В черном доме — брань и топот,
Мерный стали звон,
Нет людей и воин — робот...
Вот — выходят вон — — —
Это — сон, проснуться надо,
Никогда не спать,
Но душа и в боли рада
Вещее познать.
Знаю: сплю я мне-б проснуться,
Но сквозь тяжесть сна
Вижу, как сгорая гнутся
Черный дом, стена.

1951

МЕДОНСКИЙ РАССКАЗ

Мне мил мой городок, где прожил я
Так много лет и трудных и счастливых,
Где хóлмы, лес и тóлпы суетливых
Прекрасных птиц вкруг нищего жилья.

И время вечное — когда друзья
Неистово решали и решили
Как надо жить, и как отцы их жили,
И что в наш век так жить уже нельзя.

Друзья уйдут, и снова тишина
Глядела пристально в ночные очи;
Внизу — Париж, и праздный и рабочий,
Он виден мне, скрывает лишь стена.

Мой сад — мой парк! — размером в пять шагов,
Но, как в раю, — всё отданно цветенью;
Он светом был, он тоже был и тенью, —
Убежищем от глупых и врагов.

Шумела звонкая вокруг страна,
И не моя, — чужая по закону,
Но молодость спешила к шуму, звону,
Как добрый гость в круг знойного вина.

Казалось мне, что могут петь
Простор и камни кружевной столицы,
И свет мерцал глазами чудной птицы,
Когда она взлетает, чтоб лететь.

И в дружбу, вдруг, входили ритмы дней —
Поэзией, бессонной музой ночи:
Не страшен был мне чёрный день рабочий —
Тяжелый труд нерадостных людей.

⁂

У бедствий много есть прямых примет:
Как ветры в море связаны с волною —
Приметы зла давно слились с войною,
И вот она пришла — на много лет.

Случилось так, что в тишине моей
Взметнулось всё под окриком тревоги,
Дымились прахом чёрные дороги
В зовущей дали розовых полей.

Не в дикий лес, не в воровской овраг, —
В открытый дом и в тайную обитель
Входил бедою дикой победитель —
Цивилизованный хвастливый враг.

Нацисты Гитлера! Приятель мой —
Без думы огненной о кругах Данта, —
Хотел убить в Париже коменданта
И сам погиб, ведя народный бой.

Его жена тогда сошла с ума,
И я готов был горестно поверить,
Что знает всё — кому и что отмерить —
Судьба людей, премудрая сама.

Не много верят люди в ворожбу,
Богам не много кланяются тоже,

С природою беседуют всё строже,
Но верят все в всесильную судьбу.

Как будто-бы в покорности такой
Нам легче быть, когда нам путь неведом,
Когда ведёт на радости иль к бедам
Судьба своей судьбинною рукой.

⁂

Пустой стоит приятеля барак,
Над ним звенит весна печалью милой;
Не знаю я — тогда какою силой
Жила безумная. Не знаю, как.

Пред казнью, говорят, влечёт ко сну,
И крепко спит под утро обреченный;
Нам снился сон пустынный, злой и чёрный,
Когда очнулись в пятую весну.

Мир праздновал победу год, и два,
Он сам себе казался чудно новым,
Но взгляд победы стал опять суровым,
И смеха нет, и дышится едва.

Извечный враг был весел, жив, дышал,
Всем людям враг — война, — он не был мертвый,
Когда, поверженный и злобой гордый,
Свой меч разбойничий как крест держал.

Бывает так, что утра свет не мил
И сердце рвется в напряженной ноте,
Как еслиб жил в прославленной свободе,
И вот тебя вдруг кто-то ослепил.

В такое утро я бродил в лесу,
Деревья черные, во льду, скрипели,
Я думал о весне, хмельной в апреле,
Что вот ноябрь теперь в себе несу.

Но было мне в печале всё-ж легко:
Я знал о силе дремлющей в народе,
Я знал о солнце вечности в природе,
К которому не так уж далеко.

Есть холм в лесу, с него видны зимой
Ряды крестов на кладбище недальнем,
На том холме, на фоне погребальном,
Вдруг встретилась безумная со мной.

Не знаю я — признала-ли меня,
Или она теперь для всякой встречи
Несла как сон взволнованные речи,
Виденьями бесплодными маня.

О, сложность трудная в простых словах!
Ты мне дороже ясности небесной,
В тебе всегда, как в клетке тесной,
Стучится сердца неуёмный взмах.

Убитого приятеля жена
Издалека молила, причитала,
И небо низкое, как из металла,
Над нею стыло, — злая тишина.

Катились слёзы тяжко по щекам —
Как зёрна звездные, в глазах — сухие...

Слова, слова, с какой еще стихией
Сшибётесь вы на подступах к векам!

Безумной речь мне трудно передать:
Как понял я — о муже говорила,
То дико пела, то в ладоши била,
И плакала, чтоб воплем не рыдать.

Французской речи ближе ритм ручья;
Я в русский лад вложил потоки речи
Моей безумной, неуёмность встречи
И бедственность ее, как понял я.

⁂

Я шёл за ней, сшибая с веток лёд.
Вокруг — всё лес, пустынный, бездыханный
Стоит, как храм бесчувственный и странный,
И в нем — она, безумная, поёт:

„Гдеб ни были — везде найду,
Сомненье больше не тревожит,
Люблю я вас, любовь не может
Лежать снежинкою на льду.

„Доро́гой, лётаной орлами,
Среди обвалов и камней
Я буду следовать за вами
Любовью трудною моей.

„И если надо — к смерти строгой
Я подойду, и всё скажу,
И боль сожженною дорогой
В своем я сердце покажу.

„Но если надо, если надо, —
Собой прикрою вас, пойду
Одна на черную беду,
И буду гибели я рада...“

Так пела боль ее, — могла бы петь!
Безумная спешит тропой крутою,
На пень падёт, или скользит пятою,
И хлещет ветка жгучая, как плеть.

И к кладбищу стремительно дошла,
Мне пальцем детским строго погрозила
И тёмный взгляд свой гневом исказила, —
Своей бедою будто обожгла.

Страшит безумие невольно нас,
Всегда мы видим в разуме спасенье,
Но в гибели нам дорого забвенье,
Когда зовём и — как на плахе глас.

Но даже там я слышал, за стеной,
На кладбище для всех — на вечной плахе, —
Как любит человек во тьме и страхе
Под крыльями надежды голубой.

Отвергнет всё снобический уют, —
Не новы чувства, и слова не новы:
Беды естественно гремят оковы,
И пусть о них безумные поют:

„О, дорогой, что делать мне, —
Гостей я к свадьбе пригласила,

Они смеялись, я — грозила,
А смерть — стояла всторонe.

„Они сказали — мертвый вы·
Что вас люблю — они не знали;
И вот — дорогу указали
Среди кладбищенской травы.

„Вот видите? — она опять,
Как еслиб вас я не любила;
Она мне сердце ослепила,
Чтоб как-нибудь его унять.

„Какой пустяк, к чему они —
Кресты и плиты и ограда?
Вы рады мне? — Я — очень рада!
Эй, колокол, звени, звени...“

⁂

Она смеялась, но глаза её
Смотрели строже мертвого покоя, —
Как очи ангелов, умерших сто́я,
Проклявших вдруг могильное жильё.

И прочь пошла по узенькой тропе —
С поклонами направо и налево
Как некогда, уже венчальной девой,
С любимым шла в взволнованной толпе...

И я бежал, — я мог еще бежать! —
К жилым домам и к радостям заботы
Чтобы кружиться в них и дни и годы,
Чтоб просто — жить и разум удержать.

Легенда есть: среди времён иных
Для смертных чашу чудного забвенья
Прислали боги, чтобы жизни звенья
Не прервались отчаяньем живых.

Испив забвенье, вновь живут они.
Я пью его, я пьянствую все ночи.
И дни мои — тревожней и коротче
Пока не вспыхнут звездные огни.

И верен я моим неверным дням,
По прежнему волнуют их приходы;
Люблю и легкость ясную природы,
И сумрачность тяжелую в камнях.

Но простоты уж нет! В каком дворце
Её я видел, — сердцем или взглядом? —
Шла, как дитя, она со мною, рядом,
С невыносимым счастьем на лице.

И как сказать: не будет никогда! —
О, как она сияла первым цветом
Для всех, всегда, везде, как в дне согретом
Из облаков зарёвая гряда.

И знаю я: востанет вечность вновь,
И даже так — и в бедственное время,
Свободно станет в боевое стремя,
Чтоб жизнью билась жаркая любовь.

ЕВРЕЮ

Мерцая солнечным виденьем
У скал горючих и воды
Под снежно-розовым цветеньем
Растут Израиля сады.

По городам простерты сети
Цивилизаций, но вблизи —
Все те же ослики, и дети
Шумят в божественной грязи.

Ресницы их пречудно длинны
И взоры древние горят, —
О них библейские былины
Псалмами в храмах говорят.

На холмах ночь в прохладе млеет,
Она — как сон веков святых,
И ветер звездный тихо веет
Для добрых, мудрых и простых.

О, близок день такого света,
Когда народы — твой и мой,
По слову вечного Поэта, —
Сольются радостью земной.

Но помни, помни, к испытанью
Еще не кончены пути:
В дороге к счастью и свиданью
Нам надо братьями придти.

МОНАКО

I

Много золота, много света,
Будто Ботичелли в раю;
Солнце огромного лета
У сердца стоит на краю.

О чем ты мечтаешь, неловкий, —
Нет, ведь, покоя нигде;
Моря горизонт ломкий
Птицами блещет к беде.

Может быть так, как и ныне
Здесь, в отдаленных краях,
Ты — в человечьей пустыне, —
Без любви, — на тупых остриях.

II

Прохлада и солнце, и моря черта голубая.
Друг мой, довольно, нам незачем дальше итти.
Скалы и солнце. Во сне лишь, совсем погибая,
Счастье от боли в такое сиянье летит.

Тихое, страшное, бедное сердце, слепое —
Может и больше неверную землю любить,
Только забыть в голубом и высоком покое —
Что душу за други... это — тебя погубить.

III

Прозрачно всё, воздушно и легко,
Скользит вдоль неба парус осиянный,
За ним весь мир воздушностью влеком,
Простерт и день по солнцу далеко,
Как будто медленным он счастьем пьяный.

Не веришь, нет, я знаю — ты устал,
Ты в золотой свободе не уверен;
О, как прекрасны мертвые уста —
Не правда-ли — там, где-то, у Христа,
Или у женщины, которой ты неверен.

Прозрачно тень касается лица,
Прозрачно сердце голубой природы;
Сольешься в ней, как крайности кольца,
Забудешь всё, забудешь до конца
И совести мучительные роды.

*
* *

О любви мне говори —
Как тебя любили, —
От зари и до зари
Счастливы ли были?

Говорила ли ему
О любви последней,
Так же верила всему
В синий вечер летний?

Виновата ли ты в чем,
Что любовь любила? —
За твоим была плечем
Вся земная сила!

Как же ты любила вновь,
Навсегда прощалась,
Или древняя любовь
Болью оказалась?

Не казалось ли тебе,
Что любовь такая
На костер к своей судьбе
Уведет, толкая?

Ледяная — и живет
Та судьба кострами:
Не иди, когда зовет
Легкими перстами.

ТУНИС В ЗВЕЗДАХ

Уснувший порт, гитара в темноте
Все итальянские мотивы вторит;
А Млечный Путь в безмерной высоте,
Срываясь звездами, над морем спорит —
Что глуше в легкой тишине,
Что глубже в полной вышине.

Ночное Тютчева не знать нельзя.
Нельзя не жить Арагвенной печалью —
„На холмах Грузии“. И вот, скользя,
Пришла печаль, и шелковою шалью
Сжимает туго сердце и плечо,
Которому от сердца горячо.

Распяты в небе реи кораблей,
Высоко подняты морские тени;
А юнга все поет про журавлей,
Распластанных в волнах морской кипени,
О том, что дева, будто сгоряча,
В любви сгорела тихо, как свеча.

О сколько звезд над Африкой твоей!
Их может быть на Черноморье столько —
В тиши, в ночи, средь жатвенных полей,

В сверканье росном, где колосья стойко
Так бурно в грозах вынесли свой рост,
Где звездный всплеск божественен и прост.

Теплом согрет, еще теченьем дня
Так щедро пролитым в долинах Керуана,
Вдруг вижу я, как Лермонтов меня
Касается; его мерцает рана
Под звездами — горячей и земной,
И кто-то в звездах плачет надо мной.

СОДЕРЖАНИЕ

IMPRESSIONS INTERNATIONALES, PARIS